

ЯДРО И ПЕРИФЕРИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА» (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА)

Петренко Олеся Александровна

к.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО Брянский ГАУ
brodyga_2008@mail.ru

THE CORE AND PERIPHERY OF THE LEXICO-SEMANTIC GROUP "NOBLE ESTATE" (ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF I.A. BUNIN)

O. Petrenko

Summary: Lexico-semantic group estate – estate – manor – village – patrimony - the village as synonyms of the name of the property that belonged to one of the social groups of Russia, appears in Russian memoirs and literary sources since the end of the XVIII century, goes through various transformations throughout the XIX century and in the transition from the XIX to the XX centuries, from the end of the XX and the beginning of the XXI centuries there is an explosion of interest in the manor culture, the desire for to fill in the gaps in the history of the study of national culture, the need to take a closer look at one of the landmarks of the cultural heritage of the country increases., describe and present various facets of the socio-economic and family way of life of Russian reality.

Keywords: concept, core, periphery, lexico-semantic group, linguistic analysis, logic.

Аннотация: Лексико-семантическая группа поместье – имение – усадьба – деревня – вотчина - село как синонимы названия собственности, которая принадлежала одной из социальных групп России, фигурирует в русских мемуарных и литературных источниках с конца XVIII, переживает разные трансформации на протяжении всего XIX века и в переходе от XIX к XX вв., с конца XX и в начале XXI веков наблюдается взрыв интереса к усадебной культуре, возрождается стремление на конкретном материале восполнить пробелы в истории исследования национальной культуры, усиливается потребность внимательнее взглянуть в один из ориентиров культурного наследия страны, описать и представить различные грани социально-хозяйственного и семейного уклада русской действительности.

Ключевые слова: концепт, ядро, периферия, лексико-семантическая группа, лингвистический анализ, логика.

Язык как естественную систему, отражающую изменчивость и разнообразие мира, в последние десятилетия как за рубежом, так и в отечественной науке активно изучает когнитивная лингвистика, благодатным материалом для которой является производная лексика и способы ее системной организации. При этом следует отметить, что данные словообразования в когнитологии привлекаются редко. Однако, как справедливо отмечает Т.И. Вендина, именно «словообразование... открывает возможности для концептуальной интерпретации действительности.

Современная когнитивная лингвистика представлена, в основном, двумя основными подходами: лингвокогнитивным (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.) и лингвокультурным (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, Н.Ф. Алефиренко и др.).

С целью выявления концептуального содержания языковых единиц рассматриваются и комплексные единицы словообразования, в частности, словообразовательный тип и словообразовательное гнездо (М.Г. Шкуропацкая,

М.Д. Тагаев, Л.А. Араева, М.Н. Образцова, М.А. Осадчий, К.А. Демиденко, М.С. Косырева, А.М. Кыртепэ и др.)

В своем исследовании мы исходим из того, что одной из основных проблем лингвистического описания является обнаружение принципиальной модели языка, которая представляет языковые факты как системные. Важнейшими компонентами строения лексической системы языка признается наличие ядра и периферии. Наличие ядра в лексиконе языка признано сейчас универсальным признаком лексики [13, с. 120], определение функций ядра и периферии, критериев их разграничения, принципов взаимодействия очень важно для решения многих лингвистических проблем. Термины «ядро» и «периферия» используются при анализе не только всего лексикона, но и его частей, обозначая те части исследуемых объектов, которые соотносятся как регулярное, главное, и факультативное.

Базовым ядром концепта «Дворянская усадьба», как и всякого другого концепта, является определенный чувственный образ, единица универсального предметного кода, которая кодирует концепт для мыслительных

операций. Это тот образ, который возникает в мозгу каждого говорящего по-русски при восприятии с помощью органа (органов) чувств данного словосочетания. Кодовый компонент приобретает идею «зародыша» перво-смысла, «из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности» [Колесов 2002: 81].

Как известно, «доступ» к концепту, являющемуся мыслительной категорией, можно получить только через его репрезентацию, единственным инструментом художественного текста выступает при этом Слово в широком его понимании, т.е., чтобы обменяться концептами и их сочетаниями как результатами мыслительной деятельности, необходимо эти концепты вербализовать, т.е. назвать, выразить языковыми знаками. Именно «языковой знак представляет концепт в языке, в общении» [Попова, Стернин 2001: 38].

Кодовый компонент, ядро окружено слоями концептуальных признаков, тоже получающих закрепление в языковых средствах. Это и лексика, представляющая какие-то составляющие концепта (например, *дом, сад, прихожая, (липовая) аллея, фонтан*), и средства фразеологии (*дворянское гнездо*), морфологии (например, различия в роли категорий грамматики: *вида, модальности, времени*), синтаксиса (функции синтаксических структур), каждое из этих средств увеличивает объем концепта и насыщает его содержание.

К ядру будут относиться наиболее конкретные, яркие образы, в случае нашего концепта – обобщенный образ землевладения (*усадьба*), имеющего совокупность признаков классовой принадлежности (*дворянская*), а частные признаки составляют периферию концепта (*сад, дворня, овин, няня, ключница, дворецкий*). «Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» [Попова, Стернин 2001: 60].

Важнейшее средство представления периферии – лексика. Слово является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные (существующие в значении как скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Например, семантический компонент «чистый и прозрачный воздух», свойственный усадьбе и закрепившийся в памяти выросшего там ребенка, может проявляться через скрытые компоненты значения слов и целых фраз: «Отцвел и оделся сад, целый день пел соловей в саду, *целый день были подняты нижние рамы окон в моей комнате...*» («Жизнь Арсеньева»: 6/119).

Непосредственно в семантике глагола *поднять* присутствие воздушной среды никак не выражается, но поднятая рама – увеличившееся пространство, отсюда наполненность его воздухом.

Таким образом, *периферия* – это интерпретационная часть концепта, совокупность слабо структурируемых предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в зависимости от содержания концепта, а также той культуры, к которой он восходит [Попова 1989: 32]. Например, все элементы контекста, отражающие *степень востребованности дворянской усадьбы, описания садово-паркового ансамбля, какие-то рекреационно-гостевые или воспитательные мероприятия* в усадьбе выступают такими интерпретационными компонентами. Начало одного из рассказов Бунина: «*Лето, июнь в лесном западном краю. Весь день проливной свежий дождь, его сплошной шум по тесовой крыше. В притихшем доме сумрак, скучно, на потолке спят мухи. В саду покорно никнут под водяной бегущей сетью мокрые деревья, красные цветники у балкона необыкновенно ярки...*» («Первая любовь»:5/422). Как видим, концепт здесь представлен одним из своих близких к ядру номинантов (*имение*), характеристика его складывается из набора периферийных компонентов, распознавание которых требует особых фоновых знаний. Имение не из богатых (*тесовая крыша, мухи под потолком*), интересных рекреационных мероприятий не предвидится (*сумрак, скучно*), тем не менее описание полно нежности к этому уголку земли (дождь не просто проливной, он *свежий*; цветники мало что красные – они еще *необыкновенно ярки*; яркость красного здесь не тавтология, эту яркость придает *свежий, благодатный дождь*). Таким образом, через описание одного лишь из имений Бунин позволяет нам получить представление о родовых признаках объекта и своем отношении к нему.

Приведенный пример и подобные ему позволяют, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, считать, что слово, как и любая номинация, – это «ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой же знак (*свежий, покорный*), подобно выключателю, «включает» какое-то свойство концепта в нашем сознании, «активируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления» [Попова, Стернин 2001: 39].

Рассматривая содержание и структуру указанного концепта, есть основания предполагать, что для русского этноса и для носителя русского языка его ядерным компонентом является сочетание «*Дворянская усадьба*», т.е. данное сочетание в совокупности всех фонетических, грамматических, семантических вариантов.

Здесь важно опереться на билатеральную теорию Ф. де Соссюра о природе языкового знака, который, являясь «двусторонней психической сущностью», соединяет *означаемое* (понятие) и *означающее* (акустический образ) [Соссюр 1999:69]. В рассматриваемом нами случае одному означаемому может соответствовать несколько означающих: имеются в виду, во-первых выражение *одного понятия* сочетанием *двух слов* (*дворянская усадьба*), во-вторых, возможность контекстуальной синонимической замены сочетания одним словом (*дворянская усадьба=усадьба*), наличие семантических и грамматических вариантов (*усадьба, усадьбами, усадебка, владение, дворянское гнездо*), а также вариантов синонимических (*поместье, вотчина, имение, дом, дворец*), более или менее различающихся по своему содержанию. В первом случае несколько важнейших сем сохраняется в одном или двух элементах словосочетания, и оно сохраняет, в терминах Ф. де Соссюра, свою «значимость», во втором случае мы видим, что внутри одного языка слова, выражающие близкие понятия, частично ограничивая друг друга, способны участвовать в представлении одного объекта действительности [См. Соссюр 1999: 116].

В когнитивной лингвистике такое понимание получает особую интерпретацию: концепт как план содержания языкового знака «включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указания на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языка: его парадиг-

матические, синтагматические и словообразовательные связи – то, что Ф. Соссюр называет «значимостью» и что, в конечном итоге, отражает «лингвистическую ценность внеязыкового объекта» [Воркачев 2001: 27].

Исходя из предположения, что концепт «Дворянская усадьба», как и другие компоненты концептосферы, имеет полевую структуру, можно считать ядром такого поля словосочетание *дворянская усадьба*, вокруг него концентрируется совокупность объектов, определяющих семантику и структуру поля, каждый из которых выступает как некая важная хозяйственно-административная составляющая.

Важную роль в формировании представления о концепте играет лексическая сущность ключевого словосочетания, прежде всего, символический смысл, заключенный в лексеме *усадьба*: смысл, в основе семантики которого представление об активности, созидательности (от *садить*).

При описании концепта в терминах ядра и периферии нами обнаружено, что для каждого значения ядерной лексемы имеются свои репрезентанты на ближней и дальней периферии.

Содержательные и структурные характеристики каждого из микрополей позволяют выявить роль полевого ядра, которая тесно связана с периферийной репрезентативностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
2. Дневники Бунина / Публ., вступ. ст. и коммент. А. Бабореко // Подъем. 1979. №1. С. 113-121.
3. Зайцева Н.В. Концепция мелкопоместной усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1890-х начала 1910-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 1999. 19 с.
4. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб., 2002. – 448 с.
5. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. 512 с.
6. Осадчая О.А. Лексика юго-западного пограничья в поле концепта «Дворянская усадьба» (на материале произведений И.А. Бунина) – Материалы 14 Международной научно-практической конференции «Традиционная культура на российско-белорусском пограничье: историко-этнографический и лингвокультурологический аспект». – Брянск, 2012.
7. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин – Воронеж: Истоки, 2001. 189 с.
8. Попова З.Д. Полевые структуры в системе языка. Воронеж: Воронежский государственный университет. 1989. С. – 196.
9. Сливницкая О.В. О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. - № 1. - С. 72 - 80.
10. Сливницкая О.В. Сюжетное и описательное в новеллистике И.А. Бунина // Русская литература. - 1999. № 1.-С. 97.
11. Соловьев К.А. «Во вкусе умной старины». Усадебный быт российского дворянства II половины XVIII I половины XIX веков. По воспоминаниям, письмам и дневникам. Очерки. - СПб.: Нестор, 1998. 96 с.

© Петренко Олеся Александровна (brodyga_2008@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»